HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Бахруллаева Камола
магистрант по направлению «Адвокатская деятельность»
[Ташкентский государственный юридический университет]
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.24147336

Аннотация. В статье исследуются пределы допустимого использования адвокатом облачных сервисов и генеративного искусственного интеллекта с позиции адвокатской тайны и профессиональной ответственности. Анализируются статьи 7–10 и 14 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре», Закон «О персональных данных» в редакции 2026 года и Этические правила использования искусственного интеллекта, научные подходы зарубежных и отечественных авторов, а также опыт США, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Казахстана и России. На модельной ситуации разграничиваются риск раскрытия сведений, нарушение законодательства о персональных данных, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность. Обосновывается комбинированная модель регулирования, предлагаются уровневая политика использования искусственного интеллекта в адвокатском формировании и дополнение статьи 9 Закона «Об адвокатуре».

Ключевые слова: адвокатская тайна, профессиональная ответственность, искусственный интеллект, облачные сервисы, персональные данные, обезличивание, помощник адвоката, Палата адвокатов.

РАҚАМЛИ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДАН ФОЙДАЛАНИШДА АДВОКАТЛИК СИРИ ВА КАСБИЙ ЖАВОБГАРЛИК

Бахруллаева Камола
«Адвокатлик фаолияти» мутахассислиги магистранти,
[Тошкент давлат юридик университети]
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.24147336

Аннотация. Мақолада адвокатнинг булутли хизматлар ва генератив сунъий интеллектдан фойдаланишининг жоиз чегаралари адвокатлик сири ва касбий жавобгарлик нуқтаи назаридан тадқиқ этилган. Ўзбекистон Республикасининг «Адвокатура тўғрисида»ги Қонунининг 7–10 ва 14-моддалари, 2026 йил таҳриридаги «Шахсга доир маълумотлар тўғрисида»ги Қонун ва Сунъий интеллектдан фойдаланишнинг этика қоидалари, хорижий ва миллий олимларнинг илмий ёндашувлари, шунингдек, АҚШ, Буюк Британия, Германия, Франция, Канада, Қозоғистон ва Россия тажрибаси таҳлил қилинган. Модел вазият мисолида маълумотларни ошкор этиш хавфи, шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчиликни бузиш, интизомий ва фуқаролик-ҳуқуқий жавобгарлик ўзаро фарқланган. Тартибга солишнинг аралаш модели асосланиб, адвокатлик тузилмасида сунъий интеллектдан фойдаланишнинг даражали сиёсати ҳамда «Адвокатура тўғрисида»ги Қонуннинг 9-моддасини тўлдириш таклиф этилган.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

Калит сўзлар: адвокатлик сири, касбий жавобгарлик, сунъий интеллект, булутли хизматлар, шахсга доир маълумотлар, шахссизлантириш, адвокат ёрдамчиси, Адвокатлар палатаси.

ADVOCATE'S PROFESSIONAL SECRECY AND PROFESSIONAL LIABILITY IN THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Bakhrullaeva Kamola
Master's student in Advocacy, [Tashkent State University of Law]
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.24147336

Abstract. The article examines the permissible limits of advocates' use of cloud services and generative artificial intelligence from the standpoint of professional secrecy and professional liability. It analyses Articles 7–10 and 14 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Advocacy", the Law "On Personal Data" as amended in 2026 and the Ethical Rules for the Use of Artificial Intelligence, together with the approaches of foreign and Uzbek scholars and the experience of the USA, the UK, Germany, France, Canada, Kazakhstan and Russia. Using a hypothetical case, the article distinguishes the risk of disclosure, a breach of personal data legislation, and disciplinary and civil liability. A combined regulatory model is substantiated, and a tiered policy for the use of artificial intelligence within law firms and an amendment to Article 9 of the Law "On Advocacy" are proposed.

Keywords: professional secrecy, attorney-client confidentiality, professional liability, artificial intelligence, cloud services, personal data, anonymisation, advocate's assistant.

Введение

Цифровизация адвокатуры в Республике Узбекистан стала частью государственной политики. Постановление Президента от 30 мая 2022 года № ПП-263 ввело информационную систему «Юридическая помощь», электронный кабинет адвоката, онлайн-договоры с доверителями и электронный ордер, одновременно назвав приоритетом «комплексную защиту и конфиденциальность» информации в системах адвокатуры[1]. Однако наряду с государственными системами адвокаты по собственной инициативе всё шире используют внешние облачные сервисы и генеративный искусственный интеллект (ИИ), условия работы которых определяют частные, как правило иностранные, поставщики.

Польза таких инструментов очевидна. Они ускоряют поиск норм и судебной практики, позволяют кратко изложить объёмные материалы дела, подготовить черновик типового документа, перевести текст и проверить его оформление. В рандомизированном эксперименте Д. Шварца и соавторов специализированный ИИ-инструмент сократил время выполнения юридических задач на 20–27%[2]. Вместе с тем механизм работы генеративного ИИ порождает

[1]О мерах по широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность адвокатуры: Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 мая 2022 года № ПП-263. – П. 1, 3, 4 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/6039339 (дата обращения: 05.11.2026).

[2]Schwarcz D., Manning S., Prescott J.J., Barry P., Cleveland D.R., Rich B. AI-Powered Lawyering: AI Reasoning Models, Retrieval Augmented Generation, and the Future of Legal Practice // Journal of Law & Empirical Analysis. – 2026. – Vol.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

специфические риски: большая языковая модель создаёт текст на основе вероятностных закономерностей, а не проверенной базы данных, поэтому способна выдавать правдоподобные, но несуществующие нормы и судебные решения — так называемые «галлюцинации»[3].

Для адвоката эти риски имеют двойную природу. Первый риск — недостоверность результата: документ, подготовленный с помощью ИИ, может содержать ошибки, за которые отвечает подписавший его адвокат. Второй риск — утрата контроля над сведениями доверителя: загруженные в сервис материалы могут храниться поставщиком, быть доступны его персоналу, передаваться за рубеж и использоваться для обучения модели. Третий риск связан с делегированием: материалы нередко загружает не сам адвокат, а его помощник или стажёр.

Законодательство Республики Узбекистан прямо не отвечает на вопрос, является ли передача сведений доверителя цифровому поставщику разглашением адвокатской тайны и в каких случаях использование ИИ влечёт профессиональную ответственность. В связи с этим исследуется вопрос: при каких условиях использование адвокатом цифровых технологий — облачных сервисов и генеративного ИИ — совместимо с обязанностью хранить адвокатскую тайну и в каких случаях оно влечёт профессиональную ответственность адвоката? Для ответа использованы формально-юридический анализ норм законодательства Узбекистана, сравнительно-правовой анализ опыта США, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Казахстана и России, обзор научной литературы, сгруппированной по исследовательским подходам, а также моделирование гипотетической ситуации.

1. Правовой режим адвокатской тайны и смежных институтов в Республике Узбекистан

1.1. Предмет адвокатской тайны и круг обязанных лиц

Согласно части 1 статьи 9 Закона «Об адвокатуре», предметом адвокатской тайны является «сам факт обращения доверителя (подзащитного) к помощи адвоката, вопросы, по которым доверитель (подзащитный) обратился за помощью, суть консультаций, советов и разъяснений, полученных доверителем (подзащитным) от адвоката, все иные сведения, касающиеся содержания бесед адвоката с доверителем (подзащитным)»[4]. Грамматическое толкование показывает, что слова «все иные сведения» не образуют самостоятельной категории: они связаны с содержанием бесед. Документы, полученные от доверителя, и материалы дела — обвинительное заключение, протоколы, заключения экспертов — в норме прямо не названы.

Их защита выводится лишь системно. Часть 2 статьи 10 того же Закона запрещает изымать и досматривать адвокатские производства (досье) и документы, полученные в связи с осуществлением профессиональных обязанностей, а статья 6 Закона «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» распространяет неприкосновенность адвоката на

3, No. 1. – DOI: 10.1177/2755323X261427048.

[3]Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D.E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. – 2024. – Vol. 16, No. 1. – P. 64. – DOI: 10.1093/jla/laae003.

[4]Об адвокатуре: Закон Республики Узбекистан от 27 декабря 1996 года № 349-I (в ред. Закона от 07.02.2025 № ЗРУ-1025) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/58372 (дата обращения: 05.11.2026).

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

его средства связи, корреспонденцию и документы[5]. Однако обе нормы обращены к государству и защищают адвоката от вмешательства, а не определяют, как сам адвокат должен обращаться со сведениями. Для сравнения, в Российской Федерации предметом адвокатской тайны являются «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»[6] — формулировка, охватывающая документы независимо от их формы.

Часть 2 статьи 9 запрещает адвокату, помощнику адвоката, стажёру, должностным лицам и техническим работникам адвокатских бюро, коллегий и фирм разглашать сведения, составляющие тайну, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц. Перечень обязанных лиц закрыт: поставщик облачного или ИИ-сервиса в нём отсутствует. Понятие «разглашение» закон не раскрывает. Поэтому остаётся открытым, является ли разглашением сама техническая передача сведений поставщику или для этого необходимо доказать, что сведения стали известны третьим лицам. Вместе с тем запрет использования сведений «в интересах третьих лиц» приобретает самостоятельное значение: загрузка материалов в бесплатный сервис, обучающийся на данных пользователей, фактически позволяет поставщику использовать их в собственных интересах.

1.2. Обязанности адвоката, контроль за помощником и полномочия Палаты адвокатов

Статья 7 Закона «Об адвокатуре» обязывает адвоката соблюдать законодательство, Правила профессиональной этики, адвокатскую тайну и присягу (часть 1), запрещает использовать полномочия в ущерб лицу, в интересах которого принято поручение (часть 3), и требует не реже одного раза в три года повышать квалификацию в порядке, определяемом Палатой адвокатов (часть 4). Помощник адвоката выполняет поручения «по указанию адвоката» (часть 4 статьи 8), стажёр осуществляет деятельность «под руководством адвоката» (статья 8^1). Положение о порядке организации деятельности стажёра и помощника адвоката распространяет на них Правила профессиональной этики и требования о сохранении адвокатской тайны[7]. Однако ни Закон, ни Положение не устанавливают обязанности адвоката контролировать использование помощником цифровых инструментов.

Решения Палаты адвокатов, принятые в пределах её компетенции, обязательны для всех адвокатских формирований и адвокатов (часть 6 статьи 12^1), а к её основным задачам относятся организация повышения квалификации, оказание формированиям методической помощи и контроль за соблюдением адвокатской тайны (статья 12^2). Следовательно, Палата располагает полномочиями для конкретизации стандарта поведения адвоката в цифровой среде, но не вправе изменять законодательное понятие адвокатской тайны.

---

[5]О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов: Закон Республики Узбекистан от 25 декабря 1998 года № 721-I. – Ст. 6 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/1321 (дата обращения: 05.11.2026).

[6]Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ. – Ч. 1 ст. 8 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

[7]Положение о порядке организации деятельности стажёра и помощника адвоката: утв. приказом министра юстиции Республики Узбекистан от 3 июня 2024 года № 10-мх (рег. № 3517). – П. 4.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

1.3. Режим персональных данных

Адвокат и адвокатское формирование, обрабатывающие сведения о доверителях и третьих лицах, являются операторами персональных данных в смысле статьи 4 Закона «О персональных данных»[8]. Материалы уголовного дела, как правило, содержат специальные персональные данные — сведения о судимости, здоровье и частной жизни (часть 1 статьи 25). Их обработка требует согласия субъекта в письменной форме, в том числе в виде электронного документа (часть 2 статьи 21, часть 3 статьи 25). Закон допускает обработку специальных данных и без согласия — «в целях защиты прав и законных интересов субъекта или других лиц», что охватывает саму защитительную деятельность адвоката, но не передачу данных постороннему поставщику для целей, не связанных с защитой.

Статья 28 запрещает собственнику, оператору и иным лицам, получившим доступ к персональным данным, раскрывать и распространять их без согласия субъекта. При изменении цели обработки требуется новое согласие (часть 3 статьи 19): использование данных для обучения модели является именно такой иной целью. Обезличенными признаются данные, в отношении которых «определение принадлежности персональных данных конкретному субъекту становится невозможным» (статья 16). Следовательно, замена имени условным обозначением при сохранении дат, адресов и уникальных обстоятельств является лишь псевдонимизацией и не выводит данные из-под действия Закона.

Существенно изменился режим трансграничной передачи. По статье 27^1 в редакции Закона от 26 марта 2026 года № ЗРУ-1125 обязательному хранению на территории Узбекистана подлежат лишь биометрические и генетические данные, а также данные пользователей услуг операторов телекоммуникаций; остальные персональные данные могут храниться и обрабатываться за рубежом при признании государства обеспечивающим адекватную защиту, при соблюдении оператором стандартных договорных условий или обязательных корпоративных правил либо международных стандартов, перечень которых утверждается уполномоченным органом. Таким образом, законодательство о персональных данных больше не запрещает иностранные облачные сервисы как таковые, но обусловливает их использование гарантиями, которые адвокат обязан проверить.

1.4. Регулирование искусственного интеллекта

Законом от 21 января 2026 года № ЗРУ-1115 в Закон «Об информатизации» введено понятие искусственного интеллекта и правило, согласно которому при принятии юридически значимых решений, затрагивающих права и свободы человека, не допускается ссылаться исключительно на заключения систем, созданных на основе ИИ; в Кодекс об административной ответственности включена ответственность за незаконную обработку персональных данных с использованием ИИ в виде штрафа от 50 до 100 базовых расчётных величин с конфискацией средств совершения правонарушения[9]. Поскольку адвокат

[8]О персональных данных: Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547 (в ред. Закона от 26.03.2026 № ЗРУ-1125) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/4396428 (дата обращения: 05.11.2026).

[9]О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих с применением искусственного интеллекта: Закон Республики Узбекистан от 21 января 2026 года № ЗРУ-1115 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/8011377 (дата обращения: 05.11.2026); Установлена ответственность за незаконную обработку персональных данных с

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

юридически значимых решений о правах лица не принимает, прямое применение этой нормы к адвокатской деятельности сомнительно, однако она выражает общий принцип: решающее слово принадлежит человеку.

С 17 июня 2026 года действуют Этические правила использования технологий искусственного интеллекта, обязательные для всех физических и юридических лиц, разрабатывающих, внедряющих и использующих ИИ на территории республики. Они требуют соблюдать законодательство об охраняемой законом тайне и о персональных данных и не принимать решения ИИ как окончательные[10]. Тем самым общая норма об этичном использовании ИИ распространяется и на адвокатов, но не учитывает специфики адвокатской тайны и не согласована с Палатой адвокатов. Государство также предусмотрело создание платформы анализа нормативно-правовых актов «для граждан, адвокатов, юристов, судей»[11], однако сведения о её фактическом функционировании автором не найдены.

1.5. Отечественная аналогия: банковская тайна

Показательно, что для банковской тайны законодатель уже решил аналогичную задачу. Не считается разглашением передача сведений лицам, оказывающим банку юридические, бухгалтерские, аудиторские, информационные и консультационные услуги, при условии, что это необходимо для оказания услуги и что эти лица обязаны сохранять тайну[12]. Для адвокатской тайны подобной оговорки нет. Это подтверждает, что вопрос о допустимости передачи сведений внешнему поставщику решается на уровне закона, а не ведомственного или корпоративного акта.

Таким образом, норма об адвокатской тайне существует и обязательна, но к цифровой ситуации прямо не применяется. Это проблема правоприменения и неполноты формулировок, а не полного отсутствия регулирования.

2. Научная дискуссия

2.1. Нужны ли специальные правила для ИИ

В зарубежной доктрине нет единства в вопросе о том, требует ли использование ИИ изменения профессиональных правил. К. Медианик полагает, что Модельные правила профессионального поведения Американской ассоциации юристов (ABA) устарели и не дают ориентиров на случай нарушений с участием ИИ. Исходя из того, что ссылка на то, что ошибку «допустил робот», не может служить оправданием, она предлагает прямо включить инструменты ИИ в понятие «нелюридического помощника» и дополнить комментарии к правилу 5.3 обязанностью перепроверять результаты ИИ до их передачи клиенту[13]. Н. Ямане, напротив, считает, что правила изначально задуманы как адаптируемые и уже способны

использованием искусственного интеллекта // Министерство цифровых технологий Республики Узбекистан. – 21.01.2026. – URL: https://gov.uz/ru/digital/news/view/122739.

[10]Этические правила использования технологий искусственного интеллекта: утв. приказом министра цифровых технологий Республики Узбекистан от 24 февраля 2026 года № 284-мх (рег. № 3787 от 14.03.2026). – П. 1, 2, 4–6.

[11]Указ Президента Республики Узбекистан от 21 августа 2025 года № УП-140. – Подп. «в» п. 2.

[12]О банковской тайне: Закон Республики Узбекистан от 30 августа 2003 года № 530-II. – Ч. 2 ст. 5.

[13]Medianik K. Artificially Intelligent Lawyers: Updating the Model Rules of Professional Conduct in Accordance with the New Technological Era // Cardozo Law Review. – 2018. – Vol. 39, No. 4. – P. 1501, 1527–1528.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

регулировать использование ИИ[14]: компетентность требует понимать, почему инструмент выдаёт тот или иной результат, а результаты ИИ не должны автоматически приниматься за истину[15].

Последующая практика ABA, которая в 2024 году применила к генеративному ИИ действующие правила без их изменения[16], скорее подтверждает позицию Ямане — но для правопорядка, где правило о надзоре за нелюридическим персоналом уже существует. Следует учитывать и то, что обе работы являются студенческими исследованиями, опубликованными в рецензируемых юридических журналах, и написаны до появления генеративных моделей. Для Узбекистана, где аналога правила 5.3 нет, а Этические правила № 3787 носят общий характер, довод Медианик о необходимости явной нормы представляется более убедительным.

2.2. Пределы делегирования

Д. Ремус и Ф. Леви, опираясь на данные о распределении рабочего времени юристов, разложили юридическую работу на отдельные задачи и показали, что компьютеры автоматизируют задачи «структурированные» и «рутинные», тогда как задачи, которым недостаёт структуры для описания в виде набора инструкций, автоматизации не поддаются[17]. Сходный вывод на национальном материале делает Н. Тагаева: цифровизация адвокатуры повышает удобство, но робот не способен оценить эмоции и контекст положения подзащитного[18]. Работа Тагаевой, однако, опирается на единичный пример, а не на систематические данные.

Соглашаясь с этими авторами по существу, следует уточнить критерий. Делегированию ИИ поддаются поиск норм и практики, краткое изложение материалов, черновики типовых документов, перевод и проверка оформления. Не подлежат делегированию толкование нормы, выбор применимого закона и разрешение коллизий, оценка доказательств, выработка позиции защиты и консультирование доверителя: именно за это профессиональное суждение доверитель обращается к адвокату. Если все решения принимает ИИ, исчезает сам смысл обращения к адвокату.

2.3. Эмпирические данные и обязанность проверки

Эмпирические исследования показывают масштаб проблемы. М. Даль и соавторы, задав общим языковым моделям проверяемые вопросы о случайной выборке дел федеральных судов США, установили, что модели ошибались в 58% (ChatGPT 4) — 88% (Llama 2) случаев, плохо распознавали собственные ошибки и некритично принимали ложные посылки пользователя[19]. В. Магеш и соавторы на 202 заранее зарегистрированных запросах выяснили, что даже

---

[14]Yamane N. Artificial Intelligence in the Legal Field and the Indispensable Human Element Legal Ethics Demands // Georgetown Journal of Legal Ethics. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 883.

[15]Yamane N. Указ. соч. – P. 884.

[16]ABA Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. – 29 July 2024.

[17]Remus D., Levy F. Can Robots Be Lawyers? Computers, Lawyers, and the Practice of Law // Georgetown Journal of Legal Ethics. – 2017. – Vol. 30, No. 3. – P. 509, 512.

[18]Тагаева Н. Цифровой адвокат в цифровой системе адвокатуры в Узбекистане // Общество и инновации. – 2022. – Т. 3, № 10/S. – С. 64. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol3-iss10/S-pp60-66.

[19]Dahl M. et al. Указ. соч. – P. 64–93.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

специализированные юридические сервисы, использующие поиск по источникам, дают ложную или вводящую в заблуждение информацию в 17–33% ответов, вопреки заявлениям поставщиков о «свободе от галлюцинаций»[20].

Иную картину дало рандомизированное контролируемое исследование Д. Шварца и соавторов, в котором студенты-юристы выполняли шесть типичных задач с ИИ-инструментом на основе поиска по источникам, с «рассуждающей» моделью или без ИИ. Специализированный инструмент сократил время работы, а работы с ним содержали 3 вымышленные ссылки — не больше, чем работы без ИИ (4); рассуждающая модель углубила анализ, но привнесла 11 таких ссылок[21]. Противоречия между этими данными нет: первые два исследования измеряют ошибки самой модели, третье — результат работы человека, проверившего модель. Отсюда следует ключевой для настоящей статьи вывод: риск снижает не выбор инструмента, а обязательная человеческая проверка.

Важно разграничивать характер этих выводов. Процентные показатели Даля, Магеша и Шварца — эмпирические результаты; тезисы Медианик и Ямане о достаточности или недостаточности правил — доктринальные суждения; предложения Медианик о новых комментариях к правилам — авторские рекомендации. Эмпирические данные получены на моделях 2023–2024 годов и праве США, поэтому их нельзя механически переносить на современные сервисы и на узбекское законодательство; для последнего сопоставимых измерений нет.

2.4. Природа адвокатской тайны и значение согласия доверителя

Расходятся авторы и в понимании природы тайны. К. Хакимова, сопоставляя законодательство Узбекистана с правом Франции и Германии и практикой Европейского суда по правам человека, характеризует профессиональную тайну как принцип публичного порядка, охраняемый как абсолютное право[22]. М.И. Коган рассматривает её охрану как обязанность принимать разумные меры: опираясь на подход ABA, она предлагает учитывать ценность информации, вероятность раскрытия, стоимость и сложность мер защиты и их влияние на оказание помощи, а также рекомендует пароли, шифрование переписки и хранение данных на сервере адвокатского образования[23]. По её мнению, существующие рекомендации «представляются достаточно общими», поэтому нужны единые критерии добросовестности адвоката, в том числе для дисциплинарного производства[24].

---

[20]Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. – 2025. – Vol. 22, No. 2. – P. 216–242. – DOI: 10.1111/jels.12413.

[21]Schwarcz D. et al. Указ. соч.

[22]Хакимова К. Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе: законодательство Узбекистана и международный опыт // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 7/S. – С. 116. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss7/S-pp116-128.

[23]Коган М.И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 11 (75). – С. 218–223. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223.

[24]Коган М.И. Указ. соч. – С. 221.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

Эти позиции не исключают друг друга: первая описывает защиту тайны от государства, вторая — повседневное обращение адвоката со сведениями. Однако рекомендация Коган хранить данные на собственном сервере сформулирована в 2020 году и не учитывает облачные и ИИ-сервисы, а после либерализации зарубежного хранения данных в Узбекистане в 2026 году требует пересмотра. Спорным остаётся и значение согласия доверителя. С. Лебен в аналитической колонке Гарвардского журнала права и технологий утверждает, что профессия переоценила требование согласия: для сервисов, договором ограниченных в использовании данных, по его мнению, достаточно подразумеваемого разрешения[25]. Адвокатская палата Москвы, напротив, рекомендует не передавать в ИИ-сервисы сведения, составляющие тайну, без предварительного письменного согласия доверителя[26].

Представляется, что в Узбекистане, где конструкция «подразумеваемого разрешения» законодательству неизвестна, а для специальных персональных данных прямо требуется письменное согласие, позиция Лебена неприменима. Более того, согласие доверителя не решает проблемы полностью: доверитель не может осознанно согласиться на риск, которого не контролирует и не понимает даже сам адвокат, и не вправе давать согласие за потерпевших, свидетелей и других лиц, чьи данные содержатся в деле. Поэтому согласие разрешает использование ИИ в работе по делу, но не освобождает адвоката от обязанности выбрать защищённый сервис и обезличить материалы.

2.5. Узбекская литература и исследовательский пробел

Национальная литература по теме немногочисленна. Н. Тагаева исследует цифровизацию адвокатуры в целом[27], а в работе 2024 года, судя по аннотации, — превентивные меры при сборе адвокатом персональных данных в цифровой среде[28]; Ж. Нематов указывает на проблемы внедрения информационно-коммуникационных технологий в адвокатуру и необходимость правовых норм[29]; Ш. Мадиев рассматривает адвокатскую тайну в контексте цифровой безопасности, опираясь, в частности, на работу Коган[30]; К. Хакимова анализирует тайну как институт уголовного процесса. Ни одна из доступных работ не анализирует передачу сведений, составляющих адвокатскую тайну, поставщику ИИ-сервиса в свете статьи 9 Закона «Об адвокатуре», новой редакции статьи 27¹ Закона «О персональных данных» и Этических правил № 3787. Этот вопрос и составляет исследовательский пробел.

---

[25]Leben S. AI, Confidentiality, and the Stratified Legal Profession // Harvard Journal of Law & Technology. JOLT Digest. – 10.07.2026 [Электронный ресурс]. – URL: http://jolt.law.harvard.edu/digest/ai-confidentiality-and-the-stratified-legal-profession (дата обращения: 05.11.2026).

[26]Памятка Адвокатской палаты города Москвы об использовании адвокатами искусственного интеллекта (по сообщению РАПСИ от 10.06.2026).

[27]Тагаева Н. Цифровой адвокат… Указ. соч. – С. 60–66.

[28]Tagayeva N. Conditions for regulating the norms of conduct of a lawyer in the digital environment when carrying out professional activities // Общество и инновации. – 2024. – Т. 5, № 6. – С. 237–241. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss6-pp237-241 (по аннотации).

[29]Nematov J. Problems of digitalization of advocacy in the Republic of Uzbekistan // Общество и инновации. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 67–70. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol4-iss2-pp67-70 (по аннотации).

[30]Мадиев Ш. Адвокатлик сири ва рақамли хавфсизлик // Общество и инновации. – 2026. – Т. 7, № 5/S. – С. 42–46. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp42-46 (по аннотации).

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

Существенным ограничением литературы является и то, что эмпирические данные относятся к праву США и конкретным версиям продуктов, а узбекские публикации написаны до изменений 2026 года и частично доступны лишь в виде аннотаций.

3. Зарубежный опыт

3.1. Соединённые Штаты Америки

Американская ассоциация юристов в формальном мнении № 512 от 29 июля 2024 года применила к генеративному ИИ действующие обязанности компетентности, конфиденциальности, информирования клиента и надзора. Для самообучающихся систем, способных раскрыть сведения в ответах другим пользователям, требуется информированное согласие клиента до ввода любой информации о поручении, а шаблонная оговорка в соглашении признана недостаточной[31]. Коллегия адвокатов Флориды в мнении 24-1 от 19 января 2024 года рекомендовала получать информированное согласие клиента перед использованием стороннего ИИ-сервиса, если это связано с раскрытием конфиденциальной информации, и отметила, что при использовании ИИ, развёрнутого внутри фирмы, такой необходимости нет; при этом мнение прямо названо необязательным[32].

Суды реагируют на последствия непроверенного использования ИИ процессуальными санкциями. В деле Mata v. Avianca (2023) адвокаты, представившие шесть выдуманных ChatGPT решений и настаивавшие на них после обнаружения ошибки, были оштрафованы на 5 тыс. долларов и обязаны уведомить клиента и судей, на которых ссылались[33]. Отдельного внимания заслуживает опыт обязательного обучения: Флорида с 2016 года требует от адвокатов трёх часов обучения технологиям за трёхлетний цикл, Северная Каролина — одного часа ежегодно, а Нью-Йорк с июля 2023 года — одного часа по кибербезопасности, защите частной жизни и данных за двухлетний цикл[34]. Отдельного обязательного курса именно по ИИ автором не найдено: ИИ преподаётся в рамках «технологического» блока.

3.2. Великобритания

В решении по делам Ayinde и Al-Haroun (2025) Высокий суд Англии констатировал, что в одном деле юристы сослались на пять несуществующих решений, а в другом 18 из 45 источников не существовали; дело было передано профессиональным регуляторам[35]. Управление по регулированию деятельности солиситоров (SRA) в 2026 году предупредило, что к ответственности могут быть привлечены и руководители, если фиктивные ссылки попали в

---

[31] ABA Formal Opinion 512. Указ. соч.

[32] The Florida Bar. Ethics Opinion 24-1. – 19 January 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.floridabar.org/etopinions/opinion-24-1/ (дата обращения: 05.11.2026).

[33] Mata v. Avianca, Inc., No. 22-cv-1461 (PKC) (S.D.N.Y. June 22, 2023).

[34] Ambrogi R. Another State Moves Towards Adopting Duty of Tech Competence and Mandatory Tech CLE for Lawyers // LawSites. – 2024. – URL: https://www.lawnext.com/2024/11/another-state-moves-towards-adopting-duty-of-tech-competence-and-mandatory-tech-cle-for-lawyers.html; New York is first state to require CLE course in cybersecurity // ABA Journal. – 2022. – URL: https://abajournal.com/news/article/new-york-is-first-state-to-require-cle-courses-in-cybersecurity (дата обращения: 05.11.2026).

[35] R (Ayinde) v London Borough of Haringey; Al-Haroun v Qatar National Bank QPSC [2025] EWHC 1383 (Admin), 6 June 2025.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

суд из-за ненадлежащего надзора за младшими сотрудниками[36]. При этом даже в Великобритании не решён вопрос об обязательности обезличивания: Law Society просило правительство разъяснить, должны ли данные клиентов обезличиваться перед вводом в ИИ-платформы[37]. Для оценки достаточности обезличивания британский регулятор по защите данных применяет «тест мотивированного нарушителя»: может ли разумно компетентный и заинтересованный человек установить личность по обезличенным данным с учётом общедоступной информации[38].

3.3. Германия

Германия решила вопрос законом. Реформа 2017 года ввела § 43e в Федеральное положение об адвокатуре и скорректировала § 203 Уголовного кодекса: адвокат вправе открыть поставщику услуг доступ к сведениям, составляющим тайну, лишь в объёме, необходимом для оказания услуги, при тщательном выборе поставщика, договорном обязательстве конфиденциальности, а при зарубежном поставщике — при защите, сопоставимой с внутренней[39]. В декабре 2024 года Федеральная палата адвокатов издала руководство по использованию ИИ, посвящённое обязанностям проверки и контроля, сохранению тайны и прозрачности[40]. Перенося этот опыт, следует учитывать, что германская модель мотивирована уголовной ответственностью за разглашение профессиональной тайны.

3.4. Франция и Совет адвокатур Европы

Национальный совет адвокатур Франции 17 марта 2026 года утвердил практическое руководство по деонтологии и ИИ, в котором отдельный раздел посвящён псевдонимизации и анонимизации данных и подчёркивается, что анонимизацию нельзя смешивать с псевдонимизацией: первая должна исключать идентификацию необратимо и любыми средствами[41]. Совет адвокатур и правовых обществ Европы (CCBE) в руководстве от 2 октября 2025 года занял ещё более строгую позицию: не вводить в генеративные ИИ-инструменты

---

[36]SRA warns profession over AI misuse amidst investigations // Legal Futures. – 2026 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/sra-warns-profession-over-ai-misuse-amidst-investigations (дата обращения: 05.11.2026).

[37]Lawyers need more guidance on use of AI, Law Society tells Government // Local Government Lawyer [Электронный ресурс]. – URL: https://www.localgovernmentlawyer.co.uk/careers/626-careers-news/99403-lawyers-need-more-guidance-on-use-of-ai-law-society-tells-government2 (дата обращения: 05.11.2026).

[38]Information Commissioner's Office. Anonymisation, pseudonymisation and privacy enhancing technologies guidance. – 2025.

[39]Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO). – § 43e (введён Законом от 30.10.2017, BGBl. I S. 3618); Strafgesetzbuch (StGB). – § 203.

[40]Bundesrechtsanwaltskammer. Hinweise zum Einsatz von künstlicher Intelligenz (KI). – Stand: Dezember 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.brak.de/fileadmin/service/publikationen/Handlungshinweise/BRAK_Leitfaden_mit_Hinweisen_zum_KI-Einsatz_Stand_12_2024.pdf (дата обращения: 05.11.2026).

[41]Conseil national des barreaux. Guide pratique: la déontologie et l'intelligence artificielle. – 1re éd. – 2026 [Электронный ресурс]. – URL: https://cnb.avocat.fr/medias/guide-deontologie-ia-6a048e07e1da26.95758581.pdf (дата обращения: 05.11.2026).

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

персональные, конфиденциальные и связанные с клиентом сведения, информировать клиентов об использовании ИИ, принимать внутренние политики и проводить обучение[42].

3.5. Канада

Верховный суд Британской Колумбии в деле Zhang v. Chen (2024) квалифицировал ссылку на фиктивные дела как злоупотребление процессом, равнозначное ложному заявлению суду; адвокат был обязан лично возместить дополнительные издержки и проверить все свои дела, а вопрос о дисциплинарной ответственности был оставлен Law Society[43]. Это показывает разграничение процессуальных санкций и дисциплинарной ответственности, важное и для Узбекистана.

3.6. Казахстан и Россия

Республиканская коллегия адвокатов Казахстана в позиции от 15 сентября 2025 года пришла к выводу, что действующее законодательство и Кодекс этики охватывают использование ИИ и изменений не требуют, полная ответственность за качество помощи лежит на адвокате, а передача сведений, составляющих тайну, в ИИ недопустима без согласия клиента и при отсутствии гарантий их защиты[44]. В России официального разъяснения Федеральной палаты адвокатов не найдено; Адвокатская палата Москвы ограничилась памяткой, рекомендующей информировать доверителя и получать его предварительное письменное согласие[45].

Обобщая доктрину и зарубежную практику, можно предложить критерий разграничения задач: ИИ берёт на себя техническую работу, но не выполняет того, ради чего доверитель обращается к адвокату.

5. Модельная ситуация: риск, нарушение и ответственность

Рассмотрим гипотетическую ситуацию. Помощник адвоката без его ведома загружает в общедоступный ИИ-сервис необезличенное обвинительное заключение и получает проект ходатайства, содержащий ссылку на несуществующее постановление; адвокат подписывает документ и подаёт его в суд. Анализ требует разграничить четыре последствия.

Во-первых, по статье 9 Закона «Об адвокатуре» загрузка создаёт риск раскрытия, однако разглашение требует доказать, что сведения стали доступны третьим лицам или использованы в их интересах. Во-вторых, по Закону «О персональных данных» передача специальных данных поставщику без письменного согласия субъекта образует самостоятельное нарушение независимо от того, произошла ли утечка. В-третьих, ссылка на несуществующее решение не является правовой позицией адвоката: это не толкование нормы, а недостоверное утверждение о факте, не имеющее юридической силы. Поэтому запрет части 3 статьи 10 на вынесение частного определения в отношении правовой позиции на неё не распространяется, и частное

---

[42]CCBE guide on the use of generative AI by lawyers. – 2 October 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/IT_LAW/ITL_Guides_recommendations/EN_ITL_20251002_CCBE-guide-on-the-use-of-the-use-of-generative-AI-for-lawyers.pdf (дата обращения: 05.11.2026).

[43]Zhang v. Chen, 2024 BCSC 285 (Supreme Court of British Columbia).

[44]Позиция Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан об использовании адвокатами технологий искусственного интеллекта: утв. решением Научно-консультативного совета РКА от 15.09.2025.

[45]Памятка Адвокатской палаты города Москвы. Указ. соч.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

определение суда может стать поводом к дисциплинарному производству по статье 14. Основанием ответственности выступает не использование ИИ как таковое, а нарушение запрета действовать в ущерб доверителю (часть 3 статьи 7); то, что документ подготовил помощник, адвоката не освобождает, поскольку помощник действует по его указанию (часть 4 статьи 8), а подписывает документ адвокат. В-четвёртых, гражданско-правовая ответственность перед доверителем наступает лишь при доказанных убытках и причинной связи между ними и допущенной ошибкой.

Не опровергает этого и часть 4 статьи 10, запрещающая привлекать адвоката к ответственности «в связи с оказанием юридической помощи… согласно закону»: эта гарантия защищает адвоката от давления за позицию по делу, но не создаёт иммунитета от ответственности по основаниям, предусмотренным самим законом. Изменение условий ситуации меняет и выводы.

6. Выбор модели регулирования

Возможны три решения. Первое — ограничиться общими Этическими правилами № 3787 и саморегулированием адвокатского сообщества, как это сделали ABA, Национальный совет адвокатур Франции и Республиканская коллегия адвокатов Казахстана. Оно быстро и гибко, однако в Узбекистане Палата адвокатов не вправе своим решением определить, что не является разглашением адвокатской тайны: это понятие установлено законом и применяется судами. Второе — закрепить все условия в законе, как в Германии. Оно обеспечивает определённость, но требует длительной процедуры, а детальные технические правила быстро устаревают вместе с технологиями. Третье — комбинированная модель: закон определяет принцип и границу разглашения, а Палата адвокатов — порядок, который можно оперативно обновлять.

Предпочтительна третья модель. Она соответствует распределению полномочий в действующем законодательстве (статьи 12^1 и 12^2 Закона «Об адвокатуре»), использует уже имеющийся отечественный образец банковской тайны и сохраняет гибкость саморегулирования.

Против этой позиции можно выдвинуть несколько возражений. Первое: запрет передачи идентифицирующих сведений лишит адвокатов преимуществ ИИ. Однако для поиска норм, подготовки структуры документа и большинства технических задач данные доверителя не нужны, а риск остальных задач снимается разграничением уровней. Второе: согласие доверителя превратится в формальность. Поэтому в предлагаемой модели согласие не заменяет обезличивания, а лишь дополняет его, а информирование должно быть конкретным, а не шаблонным. Третье: законодательная процедура длительна. Именно поэтому в закон предлагается включить только принцип, а технические правила оставить Палате.

7. Предложения

7.1. Для законодательного регулирования

Предлагается изложить часть 1 статьи 9 Закона «Об адвокатуре» в следующей редакции: «Предметом адвокатской тайны являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю (подзащитному), в том числе сам факт обращения, вопросы, по которым доверитель обратился за помощью, суть консультаций и разъяснений, а также документы и материалы, полученные адвокатом в связи с исполнением поручения, независимо от формы их хранения, включая электронную». Формулировка заимствует подход части 1 статьи 8 российского закона, дополняя его указанием на электронную форму.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

Статью 9 предлагается дополнить частью следующего содержания: «Передача сведений, составляющих адвокатскую тайну, лицам, оказывающим адвокату услуги с использованием информационных технологий, допускается только в обезличенном виде в порядке, установленном Палатой адвокатов. Передача обезличенных сведений в указанном порядке не является разглашением адвокатской тайны». Поскольку Палата адвокатов не является субъектом права законодательной инициативы, предложение может быть реализовано через Министерство юстиции, в том числе при подготовке нового закона об адвокатуре.

7.2. Для Палаты адвокатов

Палате адвокатов предлагается принять во исполнение Этических правил № 3787 решение об использовании адвокатами цифровых сервисов и ИИ, включающее: перечень рисков; критерии допустимых сервисов (запрет обучения на данных, срок хранения, доступ персонала, соответствие статье 27^1 Закона «О персональных данных»); три уровня использования; правила обезличивания с примерами и проверкой по тесту мотивированного нарушителя[46]; обязательную проверку результата (нормы — по официальному источнику, практика — по текстам решений, недопустимость проверки ИИ тем же ИИ); типовой пункт соглашения об информировании доверителя (статья 9^1); правила контроля за помощниками. Кроме того, предлагается включить модуль по ИИ и защите данных в обязательное повышение квалификации, раз в три года проводимое в порядке, определяемом Палатой (часть 4 статьи 7). Это не новелла, а реализация пункта 7 Постановления № ПП-263, поручившего включить в программы повышения квалификации вопросы цифровой грамотности, информационных технологий и информационной безопасности.

7.3. Для адвокатского формирования

Адвокатскому формированию предлагается принять внутреннюю политику использования ИИ, основанную на разграничении сведений по степени риска, назначить ответственного за её соблюдение и вести журнал использования сервисов.

Во всех случаях результат перед подписанием проверяет адвокат. Министерству юстиции по согласованию с Палатой адвокатов целесообразно дополнить Положение о порядке организации деятельности стажёра и помощника адвоката правилом о том, что цифровые инструменты используются ими только в порядке, установленном адвокатом.

Заключение

Проведённое исследование позволяет ответить на поставленный вопрос. Использование адвокатом цифровых технологий совместимо с обязанностью хранить адвокатскую тайну, если сведения, позволяющие установить доверителя и иных лиц, поставщику не передаются, доверитель проинформирован о применении ИИ, а результат проверяется адвокатом.

Во-первых, статья 9 Закона «Об адвокатуре» определяет предмет тайны через беседы с доверителем и не охватывает прямо документы и материалы дела, не называет поставщика цифрового сервиса и не раскрывает понятия разглашения. Во-вторых, Закон «О персональных данных» в этой части строже: специальные данные, содержащиеся в материалах дела, требуют письменного согласия, а согласие доверителя не распространяется на данные третьих лиц. В-третьих, научная литература едина в том, что ответственность за результат несёт адвокат, а

[46]Information Commissioner’s Office. Указ. соч.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

эмпирические данные показывают, что риск снижает не выбор инструмента, а обязательная проверка. В-четвёртых, профессиональная ответственность наступает не за применение ИИ, а за ущерб доверителю, причинённый непроверенным документом или ненадлежащим контролем за помощником; ссылка на вымышленное решение не является правовой позицией и не защищена частью 3 статьи 10. В-пятых, оптимальна комбинированная модель регулирования: закон определяет границу разглашения, Палата адвокатов — порядок использования ИИ и обучение, адвокатское формирование — внутреннюю политику по уровням риска.

Действующие нормы содержат основания профессиональной ответственности, но требуют уточнения на уровне закона и решений Палаты адвокатов. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическое изучение использования ИИ адвокатами Узбекистана и точности ИИ-сервисов на материале национального законодательства.

Список использованной литературы

1. Об адвокатуре: Закон Республики Узбекистан от 27 декабря 1996 года № 349-I (в ред. Закона от 07.02.2025 № ЗРУ-1025) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/58372 (дата обращения: 05.11.2026).
2. О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов: Закон Республики Узбекистан от 25 декабря 1998 года № 721-I [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/1321 (дата обращения: 05.11.2026).
3. О персональных данных: Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547 (в ред. Закона от 26.03.2026 № ЗРУ-1125) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/4396428 (дата обращения: 05.11.2026).
4. О банковской тайне: Закон Республики Узбекистан от 30 августа 2003 года № 530-II.
5. О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих с применением искусственного интеллекта: Закон Республики Узбекистан от 21 января 2026 года № ЗРУ-1115 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/8011377 (дата обращения: 05.11.2026).
6. О мерах по широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность адвокатуры: Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 мая 2022 года № ПП-263 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/6039339 (дата обращения: 05.11.2026).
7. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 августа 2025 года № УП-140.
8. Этические правила использования технологий искусственного интеллекта: утв. приказом министра цифровых технологий Республики Узбекистан от 24 февраля 2026 года № 284-мх (рег. № 3787 от 14.03.2026).
9. Положение о порядке организации деятельности стажёра и помощника адвоката: утв. приказом министра юстиции Республики Узбекистан от 3 июня 2024 года № 10-мх (рег. № 3517).
10. Коган М.И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 11 (75). – С. 218–223. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

11. Мадиев Ш. Адвокатлик сири ва рақамли хавфсизлик [Адвокатская тайна и цифровая безопасность] // Общество и инновации. – 2026. – Т. 7, № 5/S. – С. 42–46. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp42-46.
12. Тагаева Н. Цифровой адвокат в цифровой системе адвокатуры в Узбекистане // Общество и инновации. – 2022. – Т. 3, № 10/S. – С. 60–66. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol3-iss10/S-pp60-66.
13. Хакимова К. Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе: законодательство Узбекистана и международный опыт // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 7/S. – С. 116–128. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss7/S-pp116-128.
14. Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D.E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. – 2024. – Vol. 16, No. 1. – P. 64–93. – DOI: 10.1093/jla/laae003.
15. Leben S. AI, Confidentiality, and the Stratified Legal Profession // Harvard Journal of Law & Technology. JOLT Digest. – 10.07.2026. – URL: http://jolt.law.harvard.edu/digest/ai-confidentiality-and-the-stratified-legal-profession.
16. Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. – 2025. – Vol. 22, No. 2. – P. 216–242. – DOI: 10.1111/jels.12413.
17. Medianik K. Artificially Intelligent Lawyers: Updating the Model Rules of Professional Conduct in Accordance with the New Technological Era // Cardozo Law Review. – 2018. – Vol. 39, No. 4. – P. 1497–1530.
18. Nematov J. Problems of digitalization of advocacy in the Republic of Uzbekistan // Общество и инновации. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 67–70. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol4-iss2-pp67-70.
19. Remus D., Levy F. Can Robots Be Lawyers? Computers, Lawyers, and the Practice of Law // Georgetown Journal of Legal Ethics. – 2017. – Vol. 30, No. 3. – P. 501–558.
20. Schwarcz D., Manning S., Prescott J.J., Barry P., Cleveland D.R., Rich B. AI-Powered Lawyering: AI Reasoning Models, Retrieval Augmented Generation, and the Future of Legal Practice // Journal of Law & Empirical Analysis. – 2026. – Vol. 3, No. 1. – DOI: 10.1177/2755323X261427048.
21. Tagayeva N. Conditions for regulating the norms of conduct of a lawyer in the digital environment when carrying out professional activities // Общество и инновации. – 2024. – Т. 5, № 6. – С. 237–241. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss6-pp237-241.
22. Yamane N. Artificial Intelligence in the Legal Field and the Indispensable Human Element Legal Ethics Demands // Georgetown Journal of Legal Ethics. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 877–890.
23. ABA Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. – 29 July 2024.
24. The Florida Bar. Ethics Opinion 24-1. – 19 January 2024. – URL: https://www.floridabar.org/etopinions/opinion-24-1/.
25. Bundesrechtsanwaltskammer. Hinweise zum Einsatz von künstlicher Intelligenz (KI). – Stand: Dezember 2024.
26. Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO), § 43e; Strafgesetzbuch (StGB), § 203 (в ред. Закона от 30.10.2017, BGBl. I S. 3618).
27. CCBE guide on the use of generative AI by lawyers. – 2 October 2025.

HSR (LONDON),
HOUGHTON STREET REVIEW JOURNAL
ISSN: 2058-5519|Impact factor-15.9
http://houghtonstreetreview.com/index.php/hsr

28. Conseil national des barreaux. Guide pratique: la déontologie et l'intelligence artificielle. – 1re éd. – 2026.
29. Information Commissioner's Office. Anonymisation, pseudonymisation and privacy enhancing technologies guidance. – 2025.
30. Позиция Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан об использовании адвокатами технологий искусственного интеллекта: утв. решением Научно-консультативного совета РКА от 15.09.2025.
31. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
32. Mata v. Avianca, Inc., No. 22-cv-1461 (PKC) (S.D.N.Y. June 22, 2023).
33. R (Ayinde) v London Borough of Haringey; Al-Haroun v Qatar National Bank QPSC [2025] EWHC 1383 (Admin).
34. Zhang v. Chen, 2024 BCSC 285.